

— Хотят убить тебя? — переспросил Чи Юньян, вспомнив жуткую, неестественную ухмылку Чжу Нань за обеденным столом. — Что произошло? Может, тебе просто показалось? Сдали нервы?

Чжуан Сяои судорожно грыз ногти. Он поморщился от ужаса.

— Нет! Они уже несколько раз пытались столкнуть меня в пропасть! Если бы я не успел отскочить, давно бы разбился насмерть. Вы не представляете... они толкали меня и улыбались! Про Чжу Нань не знаю, но та девчонка... это точно не Илин. Клянусь вам! Почему они стали такими?!

Чи Юньян опустил голову. Он колебался, подбирая слова, и лишь через минуту глухо произнёс:

— Скорее всего, они оба погибли при взрыве в автобусе. Те, кто бродит сейчас по деревне, — не люди.

Чжуан Сяои до боли закусил нижнюю губу, цепляясь за остатки надежды, но факты говорили сами за себя. Отрицать очевидное было бессмысленно.

— Илин... — прошептал он, кулаками вытирая набежавшие слёзы. — Знаете, мы ведь ехали подавать заявление в загс. Но по дороге попали в эту аварию... Когда я очнулся и увидел её рядом — живую, без единой царапины, — я был так счастлив. Клянусь, я никогда в жизни так не радовался...

На этих словах Чжуан Сяои не выдержал и разрыдался взахлёб. Он не мог заставить себя признать в том жутком существе свою невесту. Судьба будто бы дала им второй шанс, но лишь для того, чтобы разлучить навеки.

На душе у Чи Юньяна было скверно. Он не знал, какими словами утешить парня, и лишь молча ждал, пока тот выплачется.

И Яньле, слегка нахмурившись, безучастно наблюдал за рыдающим парнем. По его холодному лицу невозможно было понять, о чём он думает.

До этого Чи Юньян заглянул только в один чан, поэтому сейчас, набравшись смелости, подошёл ко второму и сдвинул тяжёлую деревянную крышку.

К его облегчению, тела Ван Мэймэй там не оказалось — кадка была пуста. Но радоваться не хотелось: на сердце лишь сильнее навалилась тяжесть. Похоже, тем призраком, что скребся в окно, действительно была несчастная Ван Мэймэй.

Он вернул крышку на место и повернулся к И Яньле:

— Надо сходить к деревенским воротам, осмотреться.

Старуха строго-настрого запретила выходить на дорогу, но если они просто дойдут до окраины, беды случиться не должно.

Чжуан Сяои, немного успокоившись и утерев слёзы, поспешно добавил:

— Я с вами.

Им пришлось долго петлять по тёмным улочкам, прежде чем они наконец вышли к деревенской окраине. И Яньле, шедший впереди с фонарём, не церемонясь, пинком распахнул массивные ворота.

Чи Юньян вздрогнул от такого бесцеремонного жеста и опасливо завертел головой, полушутя ожидая, что сейчас откуда-нибудь выскочит разгневанный местный житель и отчитает их за вандализм.

— Но почему снаружи день?.. — изумлённо прошептал Чжуан Сяои, указывая пальцем вдаль.

За воротами расстился пейзаж, не имевший ничего общего с царящим в деревне мраком.

Чи Юньян замер на пороге, не решаясь сделать шаг, и во все глаза всматривался в открывшийся вид. Какая-то невидимая черта разделяла реальность надвое: здесь и там были совершенно разные миры.

Яркое солнце снаружи больно слепило глаза, но стоило оглянуться назад, как зрение упиралось в глухую ночную тьму. Поколебавшись, Юньян подобрал с земли увесистый камень и швырнул его за ворота.

Камень едва пересёк невидимую границу и мгновенно растаял, словно клочок тумана.

— Значит, деревня Сяохэй полностью отрезана от внешнего мира? — задумчиво произнёс Чи Юньян.

Но тут же нахмурился:

— Хотя ночью мы как-то сюда попали...

Немного подумав, он хлопнул себя по лбу:

— Ну конечно! Помните, что говорил водитель? Он возмущался, что нас понесло в деревню

Сяохэй посреди ночи. Всё потому, что днём сюда просто невозможно найти дорогу. Физически.

— И что будет, если мы сейчас попытаемся выйти? — с опаской спросил Чжуан Сяои.

И Яньле подошёл к воротам и одним движением захлопнул их, отрезая солнечный свет.

— Сгорим так же, как этот камень, — холодно отрезал он.

Чжуан Сяои шутить со своей жизнью не собирался, поэтому благоразумно промолчал.

Вторую половину дня они провели, методично обходя деревню. Они стучали в каждые ворота, в каждую дверь, попадавшуюся на пути, но Сяохэй словно вымерла — никто так и не открыл.

Около шести вечера их разыскала старуха и зашаркала навстречу, зазывая на ужин. Вспомнив тошнотворный вкус обеда, Чи Юньян вежливо отказался под благовидным предлогом. В конце концов, на кухне у дяди Вана оставался мешок муки — можно было сообразить простые пресные лепёшки и перекусить без риска для здоровья.

Старуха спорить не стала и, глухо ворча под нос, побрела обратно.

Проходя мимо злополучной кадки, Юньян почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он не выдержал и снова заглянул внутрь — но тела Лу Лу там уже не было. Огромная бочка стояла абсолютно пустая, на сухом деревянном дне не осталось даже влажного следа.

К семи часам вечера они собрались у старой кухонной плиты. Чи Юньян усердно вымешивал тесто, не забывая анализировать ситуацию:

— Что мы имеем на данный момент, — начал он, присыпая стол мукой. — Ван Мэймэй, Лу Лу, Е Илин и Чжу Нань мертвы, это факт. Ян Шу бесследно пропал. В этом проклятом месте мертвецы не упокаиваются, а перерождаются во что-то иное. Илин и Чжу Нань погибли при аварии, тут всё ясно. А вот Ван Мэймэй и Лу Лу лишились жизней из-за того, что согласились помочь Сяо Юэ. Нам троим пока ничто не угрожает, если мы сами не вляпаемся в неприятности и не вздумаем выполнять просьбы черноглазых.

Увлечшись разговором, Юньян не заметил зуда на кончике носа и машинально потёр его испачканной в муке рукой, оставив на лице забавный белый след.

И Яньле, сидевший рядом, мягко щёлкнул его по носу, смахивая белую пудру, и едва заметно улыбнулся:

— Поаккуратнее.

Чжуан Сяои посмотрел на них с нескрываемым подозрением и не удержался от вопроса:

— Слушайте... а вы двое вообще в каких отношениях?

— А? В каких отношениях? — Чи Юньян, отличавшийся поразительной эмоциональной глухотой, даже не понял намёка. — Ну, мы вроде как товарищи по несчастью. Цель одна — выжить и не склеить лапы раньше времени. Правда ведь, Яньле?

И Яньле молча кивнул, одарив Чжуан Сяои красноречивым взглядом, в котором читалось: «Даже не начинай».

Чжуан Сяои лишь мысленно вздохнул. Этот парень действительно настолько наивен или просто притворяется?

Тесто у Чи Юньяна вышло отменным, а вот с жаром плиты он совладал не сразу — первые две лепёшки безнадежно подгорели. К счастью, муки он не пожалел, так что пара испорченных блинов погоды не делала.

Бросив косой взгляд на стоящий в гостиной злобный красный диван, Чи Юньян содрогнулся. Садиться на него не хотелось категорически. Недолго думая, парни натаскали в кухню сухой соломы, расстелили её прямо на полу и устроились ужинать.

Чжуан Сяои с хрустом откусил кусок горячей лепёшки и, не прожевав, пробормотал:

— Но всё-таки, почему пропал Ян Шу? Он ведь не погиб, да и на уговоры тех тварей не поддавался. С чего бы ему исчезать?

Чи Юньян, жадно жуя, поперхнулся. И Яньле тут же протянул ему кружку с водой.

Осушив половину, Юньян прокашлялся, перевёл дух и отложил недоеденную лепёшку:

— В таком месте пропасть без вести — считай, умереть. Он наверняка нарушил какое-то негласное правило. Если бы всё было просто, мы бы сейчас здесь мирно не сидели.

Он повернулся к спутнику:

— Яньле, как думаешь, мы ничего не упустили из виду?

И Яньле неторопливо дожевал свой кусок, на мгновение задумался и поднял взгляд:

— Есть одна деталь, которая не даёт мне покоя.

— Какая? — подался вперёд Чжуан Сяои.

— Помните, как только мы пришли в Сяохэй? Ян Шу сам обратился к старухе с просьбой.

Чи Юньяна будто осенило. Ну конечно! Ян Шу ведь спросил у хозяйки, не найдётся ли у неё места для ночлега. И та согласилась помочь.

Чжуан Сяои, который тогда ещё блуждал в тумане, недоумённо нахмурился:

— Но старуха ведь не из этих... у неё нормальные глаза, да и гипнозом она не владеет. К тому же Ян Шу сам её попросил. Неужели даже этого делать нельзя?

Действительно, хозяйка дома не была похожа на монстра и не пыталась затуманить им разум. Тогда в чём же крылась разгадка?

Тук. Тук.

Входная дверь глухо задрожала от негромкого стука. Это точно была не старуха — она знала, что гости отказались от ужина. Кто же тогда решил пожаловать к ним в такой час?

Чжуан Сяои замер, боясь пошевелиться. Чи Юньян в нерешительности переглянулся с ним. И лишь И Яньле без лишних раздумий поднялся на ноги и уверенно направился к выходу.

Юньян тихонько двинулся следом и замер у косяка кухонной двери, наблюдая.

На пороге стояла маленькая Сяо Чу. Совершенно одна.

Девочка, робея под ледяным взглядом И Яньле, нерешительно топталась на пороге, заглядывая внутрь. Но едва заметив выглядывающего из кухни Чи Юньяна, она радостно шмыгнула в дом.

И Яньле задвинул засов и, прислонившись к косяку, с подозрением уставился на гостью, которая едва доставала ему до пояса.

Сяо Чу с улыбкой подбежала к Чи Юньяну. На кухне она почуяла аппетитный аромат свежих лепёшек и, смешно прикусив пальчик, любопытствовала:

— Ой, а чем это так вкусно пахнет?

Юньян показал ей надкушенную лепёшку, отломил тёплый бок и протянул девочке. Сяо Чу бережно взяла угощение, принялась и осторожно откусила маленький кусочек.

— М-м-м, как вкусно!

Она мигом уплела лакомство и уставилась на парня умоляющими глазками.

Юньян достал из сковороды целую лепёшку и отдал ей. Расправившись с ней, девочка сыто погладила живот и расплылась в широкой улыбке:

— Спасибо, братик!

— Ты что, осталась без ужина? — подал голос Чжуан Сяои.

Сяо Чу грустно покачала головой, шмыгнув носом:

— Нет. Бабушкина еда невкусная, я такое не люблю...

— Невкусная? — удивился Чи Юньян, вспомнив, что во время обеда девочки действительно не было за общим столом. — Но остальные ребята уплетали за обе щёки.

В тусклом жёлтом свете кухонной лампы Чи Юньян пристально взгляделся в лицо Сяо Чу. И замер: вокруг её некогда угольно-чёрных зрачков появилась едва заметная тонкая белая каёмка.

Это странное изменение заметил не только он — Чжуан Сяои и И Яньле тоже поняли, что с глазами девочки происходит нечто странное.

«Неужели это из-за нашей еды?» — пронеслась в голове догадка.

— Сяо Чу, — Юньян присел перед ней на корточки, заглядывая в лицо, — братик может спросить тебя кое о чём?

Чжуан Сяои в панике подскочил к нему и мёртвой хваткой вцепился в плечо:

— Ты с ума сошёл?! Зачем ты её просишь?!

Юньян даже не шелохнулся. Из-за мягких детских черт лица он обычно казался безобидным добряком, но сейчас его взгляд сделался настолько твёрдым, что возражать ему не хотелось.

— Сяо Чу меня не обидит, — спокойно, но твёрдо ответил он.

Девочка недоумённо захлопала ресницами. В силу возраста она не понимала, почему взрослые

так напряглись, но согласно закивала:

— Конечно! Я никогда-никогда не обижу братика. Ты ведь добрый и угостил меня. Я совсем не такая, как другие дети.

«Не такая, как другие?» — Чжуан Сяои мгновенно зацепился за эти слова.

— Скажи, Сяо Чу, — Юньян решил прояснить самый важный момент, терзаемый смутным предчувствием. — Что происходит с теми, кто о чём-то просит бабушку?

В этой деревне, забитой жуткими черноглазыми детьми, старуха казалась единственным уцелевшим человеком. Но почему она до сих пор жива и не сбежала отсюда?

Сяо Чу призадумалась:

— Да ничего особенного. Бабушка у нас хорошая, она совсем другая. Когда-то давно взрослые в деревне нас сильно обижали, а она за нас заступалась и наказывала их.

— И как же она их наказывала? — Чи Юньян затаил дыхание. Назвать дряхлую старуху грозной силой, способной справиться с крепкими деревенскими мужиками, язык не поворачивался.

Сяо Чу прикрыла рот ладошкой и тихонько хихикнула:

— Ну, я не знаю... Просто те, кто нас бил, куда-то пропали. Все до единого.

Чи Юньян похолодел. В голове мгновенно сложился пазл. Лютая зима, в деревне нет взрослых — одни дети. Откуда у дряхлой старухи берутся запасы мяса, чтобы трижды в день досыта кормить ораву из полутора десятков голодных ртов?..

<http://bllate.org/book/18234/1747925>